

Джон Диксон Карр

ПРОКЛЯТИЕ
БРОНЗОВОЙ
ЛАМПЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE CURSE OF THE BRONZE LAMP
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1945
MY LATE WIVES
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1946
THE SKELETON IN THE CLOCK
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1948
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского
Игоря Куберского, Наталии Нестеровой, Андрея Полошака

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-25763-4

© И. Ю. Куберский (наследник), перевод, 2025
© Н. К. Нестерова, перевод, 2025
© А. С. Полошак, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В каирском отеле «Континенталь-Савой», в гостиной номера люкс девушка и молодой человек ждали телефонного звонка.

С этого началась не сама история, но ее чудовищная глава. Говорят, теперь Каир стал совсем другим, но во времена, о которых пойдет речь — десять лет назад, прекрасным и теплым апрельским вечером, — городская жизнь текла со старой доброй безмятежностью.

На фоне ослепительно-голубого египетского неба очертания белокаменного отеля резали глаз. Ставни и железные балкончики под окнами придавали ему французский вид, украшенный разноцветием тентов и навесов. По улице Шад-Камиль в направлении Каирской оперы грохотали трамваи; под окнами толпа туристов осаждала офис «Американ Экспресс»; фонари на высоких столбах подмигивали потоку машин, что тянулся к гостиничным дверям вдоль рядов дальбергий и карликовых пальм. Но звуки и ароматы прежнего, древнего Каира тоже доносились сюда из города мечетей и озаренных солнцем минаретов.

Долетали они и до второго этажа отеля «Континенталь-Савой», но едва-едва. Ставни были закрыты, и свет проникал в гостиную только через тоненькие щели между ними.

Молодой человек сказал:

— Бога ради, Элен, сядь уже!

Девушка, перестав расхаживать из угла в угол, нерешительно покосилась на телефон.

— Твой отец, — рассудительно добавил молодой человек, — позвонит, как только будут новости. Да и волноваться-то не о чем.

— Сомневаюсь, — сказала девушка.

— Скорпион ужалил! — воскликнул ее собеседник не то чтобы с презрением, но ясно давая понять, что не считает укус скорпиона сколько-нибудь серьезной проблемой, и с медицинской точки зрения он был совершенно прав. — Я, конечно, ничего не хочу сказать, но...

Девушка приоткрыла окно — в комнате стало чуть светлее — и выглянула наружу, ее профиль вырисовывался на фоне ставни.

Вы не назвали бы ее красавицей. Нет, ни в коем случае. Но все же она обладала тем качеством, что побуждало многих мужчин — в том числе задумчиво смотревшего на нее Сэнди Робертсона — терять душевный покой и нести всякий вздор после каких-то двух бокалов виски.

Так называемая сексапильность? Да, девушка была привлекательная, как и почти все здоровые и миловидные девицы около тридцати. Ум? Изобретательность? Кроющийся под мягкой улыбкой намек на опасную энергию, готовую проявить себя в любом жизненном предприятии? Да. Пожалуй, мы приближаемся к истине.

Она была блондинкой. Блестящие светло-соломенные волосы контрастировали с легким загаром, оттенявшим сверкающие белки темно-карих глаз. Вы обратили бы внимание на крупный рот — казалось, он сам стеснялся своих размеров, — и неуверенный изгиб губ: сперва улыбка, затем сомнение.

Слишком мнительная! Слишком напряженная!

Но как было, так было, и Сэнди Робертсон не хотел ничего менять. На раскопках она орудовала лопатой не хуже местных землекопов. Рассуждала о каталогизации ритуальных каноп со знанием дела, достойным самого профессора Гилрея. И все же эта миниатюрная, гибкая девица в блузе и легинсах не утратила ни капли женственности.

Вы, наверное, помните, что в тридцать четвертом — тридцать пятом годах весь мир внимательно следил за происходящим в долине на западном берегу Нила, носившей название Бибан эль-Мулук, или Долина Царей, где небольшая группа британских археологов под руководством профессора Гилрея и графа Северна обнаружила заметенную песком гробницу.

Там они работали, начиная с октября, зиму и весну, покуда раскопки не пришлось остановить из-за майской жары. Сквозь гранитные блоки проложили путь в переднюю комнату, боковую камеру и погребальный покой. Среди сокровищ, ослепивших даже правительство Египта, обнаружился саркофаг из желтоватого кристаллического песчаника. С кропотливым трудом на свет извлекли мумию верховного жреца Амона — Херихора, правившего Египтом на закате XX династии.

Мировая пресса подняла невероятный шум.

В лагерь хлынули толпы туристов. Археологов неотступно преследовали газетчики, наводняя прессу фотографиями профессора Гилрея, анатома по имени доктор Бадж, Сэнди Робертсона, лорда Северна и прежде всего — его дочери, леди Элен Лоринг, чье присутствие придавало всей затее романтический шарм, в котором так нуждалась экспедиция. А затем пошла последняя волнующая молва, фатальный поворот клинка.

Первым в гробницу вошел Гилрей, профессор Кембриджского университета. И к концу второго года профессора Гилрея укусил скорпион. Ужалил в ладонь...

Плодородная почва для суеверных перешептываний. И хороший материал для газетных статей.

Теперь же, стоя у окна в душной гостиной «Континенталь-Савоя», Элен Лоринг в белом теннисном платье без рукавов и с обернутым вокруг шеи ало-белым шелковым шарфом оглянулась, и над головой у нее замерцали солнечные лучи.

— Сэнди, ты видел, что пишут в газетах?

— Это полная чушь, моя радость, — твердо заявил мистер Робертсон.

— Ну конечно, это чушь! Хотя...

— Хотя что?

— Я все думаю, не стоит ли отменить завтрашние планы.

— С чего бы?

— По-твоему, я должна вернуться в Англию, Сэнди? Сейчас? Когда профессор Гилрей в больнице?

— Ты способна помочь ему, оставшись здесь?

— Нет. Пожалуй, нет. Но тем не менее...

Сэнди Робертсон — он сидел верхом на стуле, сложив руки на спинке и упершись в них заостренным подбородком, — внимательно смотрел на Элен из сумрака.

Этот невысокий, едва ли выше собеседницы, худощавый, жилистый мужчина выглядел старше своих тридцати пяти. Наверное, такая внешность способна сохраняться до пятидесяти. Его волосы, благодаря цвету которых он и получил прозвище Сэнди — Песочный, — ежиком торчали над слабо очерченным лбом и черными умными подвижными глазами. Его лицо с вечно искривленным ртом отличалось той карикатурной некрасивостью, что женщины зачастую находят привлекательной.

— Твой отец, — сказал он, — хочет, чтобы ты отправилась домой и подготовила все к нашему приезду. Мы последуем за тобой... — Сэнди сделал паузу. — Как только уладим дела с правительством Египта. Повторяю, милая, что ты можешь тут сделать?

Элен села в кресло у окна. Всякий раз, глядя на нее, Сэнди Робертсон, который понимал, что его лицо скрыто в сумраке, морщился, будто от физической боли, но держался с нарочитой непринужденностью.

— И все равно, прежде чем уехать в Англию...

— Да, Сэнди?

— Ты обдумала то, о чем я недавно упоминал?

Элен отвернулась и едва заметно повела рукой, словно хотела избежать такого разговора, но не вполне понимала, как это сделать.

— У меня почти ничего нет, — не унимался Сэнди. — Если сделаешь мне честь, став моей женой, тебе, несомненно, придется меня обеспечивать.

— Не говори так!

— Почему? Это правда. — И после паузы он продолжил тем же невозмутимым тоном: — В обычных обстоятельствах я не преминул бы напомнить о своих социальных преимуществах. О том, что я первоклассно играю в гольф и бридж, а также превосходно танцую. Кроме того, я приобрел поверхностные знания по египтологии...

— Совсем не поверхностные, Сэнди, не прибедняйся.

— Ну хорошо, не поверхностные. Но только потому, что ты сама интересуешься египтологией, а вот всем прочим — не особо. Очень ты серьезная, Элен. Слишком серьезная.

По некой причине ни одна женщина в глубине души не желает, чтобы ее называли серьезной. Элен Лоринг посмотрела на Робертсона с некоторой беспомощностью. Любовь, сомнение, замешательство, уверенность, что старина Сэнди никогда не говорит того, что думает, — все эти чувства вступили в борьбу у нее в сердце.

— На этом основании, — продолжил Сэнди, — я гарантирую, что буду идти с тобой ноздря в ноздю. На этом основании, лапушка моя, я гарантирую, что овладею всеми науками, от эсперанто до классификации тропических рыб! — Тут он умолк, а когда заговорил снова, его тон изменился. Теперь голос Сэнди звучал с резкостью, от которой содрогнулся полумрак гостиной. — Какого черта? Что я делаю? Почему говорю как персонаж треклятой пьесы Ноэла Кауарда? Я люблю тебя — вот, собственно, и все. Только не говори, что я тебе нравлюсь, ведь это мне уже известно. Вопрос в том, Элен, что делать с пресловутым третьим лишним. — Он помолчал. — К примеру, с Китом Фарреллом.

Элен попыталась заглянуть ему в глаза, но не смогла.

— Не знаю! — воскликнула она.

— Полагаю, по возвращении в Лондон ты увидишься с Китом?

— Да. Наверное.

Сэнди задумался, снова опустив подбородок на сцепленные руки.

— Некоторые, — с вызовом начал он, — называют мистера Кристофера Фаррелла ничтожеством в деловом костюме. Некоторые, но не я. Ведь мне известно, что он за человек. Но все это неправильно. Говорю же, вся эта ситуация несправедлива!

— Несправедлива? В смысле?

— Ну сама подумай! Вот Кит Фаррелл, видный красавчик. А вот я, с физиономией, способной остановить часы. Да не просто остановить, а заставить идти в обратную сторону, пока они не пробьют тринадцать раз!

— Ах, Сэнди! По-твоему, это имеет хоть какое-то значение?

— По-моему? Да, имеет.

Сконфуженная Элен залилась румянцем и снова отвернулась.

— Это он, он должен был служить как верный пес, — настойчиво продолжал Сэнди, — а мне пристало наживать богатство в адвокатских конторах. Но разве это так? О нет, все наоборот! Этот парень интересуется, причем неподдельно, протоколом разбирательства «Уислби против Баунсера» от тысяча восемьсот пятьдесят первого года, или чем-то в этом роде! А ты, — обвинительным тоном завершил он свою тираду, — ты такая серьезная! Напомни, когда ты смеялась последний раз?

И тут Элен все же расхохоталась — пожалуй, к удивлению Сэнди.

— Собственно говоря, — ответила она, — последний раз я смеялась сегодня утром.

— Да ну? — переспросил Сэнди с таким подозрением, будто терпеть не мог людей, способных развеселить Элен.

— Ну да. В гостинице остановился один человек...

Сэнди хлопнул себя по лбу.

— Ну хватит, дурачина! Он мне в дедушки годится!

— Как его зовут?

— Мерривейл. Сэр Генри Мерривейл.

Несмотря на беспокойство в темно-карих глазах, Элен с довольным лицом откинулась на спинку кресла и принялась рассматривать угол потолка, будто вспоминая нечто приятное. Некоторые подтвердили бы, что присутствие сэра Генри Мерривейла, пусть зачастую раздраженного, а иногда разгневанного, прекрасно снимает любое напряжение.

— Предполагается, что он приехал на лечение, — объяснила девушка, — хотя на деле этот человек совершенно здоров. Он сказал, что завтра уезжает, поскольку здесь его облапошивают на каждом шагу. Это сказывается на кровяном давлении и сводит на нет всю пользу от здешнего климата. Ну а пока что он собирает толстенный журнал с вырезками...

— С вырезками?

— С вырезками из газет, как-то связанными с его персонею. За много-много лет. Сэнди, этот журнал, он совершенно бесценный! Он...

На столике у рояля затрезвонил телефон.

Повисла недолгая пауза, будто ни Сэнди, ни Элен Лоринг не желали двинуться с места. Затем девушка вскочила, бросилась к телефону и сняла трубку. Хотя ее лицо оказалось в тени, Сэнди видел, как сверкнули ее глаза.

— Твой отец? — спросил он.

— Нет. — Элен накрыла микрофон ладонью. — Это доктор Макбейн, звонит из больницы. Отец... уже едет сюда.

В трубке продолжал звучать тоненький голос, но Сэнди не мог разобрать слов. Этот монолог казался нескончаемым. Он страшно действовал на нервы. За это время можно было передать штук тридцать сообщений. Наконец Элен повесила трубку на рычаг — с дребезгом, намекающим на дрожь в руке, — а затем сообщила:

— Профессор Гилрей умер.

Предвечерний свет за окном уже сменился сумерками. Еще немного, и придет время магриба, призыва к вечерней молитве после захода солнца, и она разнесется с минаретов каждой мечети Каира. Комнату — странно, что вы заметили это только сейчас, — недавно отремонтировали, и от удушли-

вого запаха краски и полироли и даже затхлости желтой атласной драпировки сжималась грудь.

— Это невозможно! — вскочил со стула Сэнди.

Девушка лишь пожала плечами.

— Говорю же, Элен, это невозможно! Укус скорпиона? Он не опаснее, чем... чем... — Сэнди замялся в безуспешном поиске подходящего сравнения. — Наверняка он умер по другой причине!

— Но все же умер, — повторила Элен. — И ты знаешь, о чем теперь станут говорить.

— Да. Знаю.

— О проклятии гробницы Херихора уже ходят слухи. Я даже читала статью с предупреждением насчет бронзовой лампы. — Элен сжала кулаки. — После всех отцовских проблем... Это уже слишком!

Распахнулась и захлопнулась дверь. Из прихожей донеслись неспешные шаги. Затем открылась дверь гостиной — и закрылась за спиной у человека, за несколько часов постаревшего на много лет.

Джон Лоринг, четвертый граф Северн, был крепким мужчиной среднего роста, с жилистым телом, костистыми руками и лицом, выгоревшим на солнце до состояния дубленой кожи, на фоне которой в серо-стальных волосах и аккуратного подстриженных усиках проглядывало нечто мышьиное. Две глубокие морщины на щеках, вдоль усов, от ноздрей до нижней челюсти, придавали ему суровый вид, противоречивший характеру графа. Он подошел к желтому дивану и сел, понулив плечи, а несколькими секундами позже поднял глаза и тихо спросил:

— Макбейн уже звонил?

— Да.

— Не повезло, — сказал, шумно дыша, лорд Северн. — Ничего не поделаешь, не спасли.

— Но... укус скорпиона? — осведомился Сэнди.

— Тут, как говорят врачи, вопрос в восприимчивости, — ответил граф. — Для некоторых это все равно что силь-

ный укус москита, но для других — в том числе для бедняги Гилрея — все заканчивается куда хуже. — Сунув руку под светлый летний пиджак, он помассировал область сердца. — Честно говоря, Элен, мне тоже нездоровится. — Глядя на встревоженные лица, лорд Северн попробовал разрядить обстановку. — Эти часики, — похлопал он по груди, — тикают с давних пор. Временами, естественно, барахлят. Да и неприятностей у нас хватает — то одно, то другое. Особенно теперь... — Его мягкий взгляд сделался бездонным, будто граф отказывался поверить в нечто очевидное. — Думаю, — добавил он, — мне лучше прилечь.

— Ты уверен, что с тобой все хорошо? — воскликнула, подбежав к нему, Хелен. — Быть может, вызвать врача?

— Глупости, — поднялся на ноги лорд Северн. — Устал, только и всего. И еще хочу домой. Чем быстрее ты все там уладишь, Элен, тем лучше для меня.

— Я как раз говорила Сэнди, — призналась Элен после паузы, — что не уверена, стоит ли завтра уезжать. А теперь, когда профессор Гилрей мертв...

— Ему ты ничем не поможешь, — заметил отец, и его морщинистое лицо вновь сделалось непривычно отрешенным. — Кроме того, в каком-то смысле только помешаешь нам. Не подумай, дорогая, что ты не приносишь пользы, я лишь хотел сказать... — Лорд Северн смущенно, будто извиняясь, всплеснул руками. — Бедный Гилрей! Господи, бедный старина Гилрей...

Над городом сгустились тени, предвещая скорую тропическую ночь, готовую разом вступить в свои права. Привычный городской шум — приглушенный гул и гомон человеческих голосов — сменился новой нотой. Муэдзин призывал к молитве.

Аллах велик!

Я свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха.

Я свидетельствую, что Мухаммад — посланник Аллаха.

Спешите на молитву! Спешите к спасению!

Аллах велик! Нет Бога, кроме Аллаха!

Над загадочной страной вздымалась и опадала тонкая звуковая нить, распадаясь на множество звуков. Граф покосился на окно и рассеянно, по-доброму покачал головой.

— Кому можно верить? — пробормотал он, словно повторяя цитату. — Отличный вопрос. Кому можно верить? — С этими словами он развернулся и, не вынимая руки из-под пиджака, уныло побрел в сторону спальни.

Когда за ним закрылась дверь, Элен и Сэнди озадаченно переглянулись. В сумерках по-прежнему звучало пение муэдзина.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Назавтра в половине третьего близ Центрального вокзала произошло поистине незабываемое событие. О нем до сих пор с уважением говорят арабские горшечники и гостиничные посыльные — даже в этом городе, полном достопамятных шлимазлов, — и до сих пор не могут сойтись во мнении, кто виноват: то ли таксист, то ли сэр Генри Мерривейл.

Центральный вокзал находится в северной части Каира. Если смотреть по карте, недалеко от центра, но все зависит от средства передвижения.

В городе, где транспортный поток составляют трамваи попеременно с верблюдами, где извозчик, правящий фаэтоном «Виктория», понятия не имеет, куда ехать, и ему приходится громогласно указывать дорогу, где виновником почти любого затора выступает совокупность собак, осликов, корабейников и попрошаек... В таком городе, если хочешь успеть на поезд, выезжай заранее.

А посему в тот день с юга на север по улице Шари Нубарпаша резво громыхал таксомотор, древний «форд», чей изначальный цвет был нераспознаваем. На крыше у него находились три пристегнутых чемодана, два больших и один маленький. В салоне такси имелся счетчик, но он не работал — по крайней мере, по словам водителя, — а также сам таксист, темнокожий юноша с простодушным лицом, ясными черными

глазами, клочковатым зародышем бороды, походившим на сбегающую из матраса волосяную набивку, с обмотанной вокруг головы грязной белой тряпкой и мечтами о несметном богатстве.

И еще в машине находился пассажир — крупный, корпулентный, бочкообразный мужчина в белом льняном костюме и панаме, из-под полей которой, опущенных так, что головной убор походил на перевернутую миску, а также из-под очков в роговой оправе зыркали глаза настолько свирепые, что от настолько зловредного взгляда растерялись бы даже каирские побирušки.

Пассажир сидел совершенно прямо, по-королевски сложив руки на груди. На сиденье рядом с ним лежал толстенный том в кожаном переплете, где мелкими золотыми буквами было вытиснено слово «Вырезки». Судя по двум предметам, торчавшим из нагрудного кармана пиджака, — длинным ножницам кольцами вверх, а также вместительному тюбику с жидким клеем — можно было догадаться, как этот мужчина планирует коротать время в поезде.

До сей поры беседа между водителем и пассажиром велась на смеси английского, французского и еще арабского, вернее, тех его обрывков, что способен был припомнить тучный мужчина в панаме. Теперь же он подался вперед и хлопнул водителя по плечу:

— Эй!

Голос у таксиста был мягкий, текучий, вкрадчивый, щедро пропитанный медовой лестью.

— Вы что-то сказали, о повелитель утренней зари?

— Хр-р-р, — прорычал повелитель утренней зари, со злобным подозрением глядя на своего собеседника, и добавил по-французски: — Эта дорога ведет на железнодорожный вокзал? Точно?

— Но узрите! — вскричал таксист и повел рукой с видом чародея, творящего очередное чудо. — Взгляните, вокзал прямо перед вами! И мы прибыли к нему со всей поспешностью, добрый господин! — В подтверждение своих слов он надавил на педаль газа так, что такси влетело на площадь Мидан эль-

Махатта на двух колесах, а тучный джентльмен едва не пробил головой боковое стекло. Сложилось впечатление, что на скорости тридцать миль в час таксист намерен въехать прямо в кассовый зал, но в последний момент он вдарил по тормозам и обернулся к пассажиру, будто пес, алчущий хозяйской похвалы.

Тучный джентльмен не произнес ни слова.

Надвинув шляпу на брови, сэр Генри Мерривейл кое-как выбрался из такси.

— Вокзал, о повелитель утренней зари! Железнодорожный вокзал!

— Угу, — рассеянно признал пассажир. — Спустите мой багаж на землю. Сколько?

— Не смотрите на счетчик, добрый господин, — ответил таксист с простодушной улыбкой, способной растопить самое холодное сердце. — Он сломан, и на нем ничего нет.

— Как и у меня в кармане, — заметил пассажир, — после месячного пребывания в этой треклятой стране. Так сколько?

— Для вас, добрый господин, всего лишь пятьдесят пиастров.

— Пятьдесят пиастров?! — возопил сэр Генри Мерривейл, чье широкое лицо окрасилось в диковинно пурпурный цвет, весьма уместный в сочетании с таким же пурпурным сегментом необычайно яркого галстука, что выбился из-под его пиджака при дорожной тряске. Ножницы и тюбик клея также готовились выпасть из кармана. Безуспешно пытаясь удержать альбом с вырезками под мышкой, обеими руками Г. М. схватился за шляпу, чтобы та не слетела с головы. — Пятьдесят пиастров! — выдохнул он. — Почти десять шиллингов за поездку от гостиницы «Континенталь-Савой»?

— Знаю, это немного, — сокрушенно подтвердил таксист, словно удивляясь своему альтруизму. — Совсем немного, о повелитель утренней зари! Но, — просветлел он, — вы можете добавить чаевые!

— Погоди-ка, — сказал тучный джентльмен, тыча пальцем ему в лицо. — Знаешь, кто ты такой?

— Прошу прощения, добрый господин?

Лихорадочно порывшись во внутреннем кармане, Г. М. извлек и сунул таксисту в ладонь лист бумаги, убористо исписанный арабскими буквами. Незадолго до отъезда сэр Генри попросил друзей составить список отборных арабских ругательств, намереваясь увезти его с собой в Англию, и прошлым вечером эти усердные филологи, опрокидывая один стакан виски за другим, составили перечень эпитетов столь мерзопакостных, столь непристойных, столь богатых на многоцветные оскорбления, что он пробрал бы любого мусульманина до мозга костей.

Лицо водителя скривилось в нервном спазме.

— Кто? — осведомился он, указывая на список.

— Ты! — Г. М. снова ткнул пальцем ему в лицо.

— Это я?

— Это ты, — подтвердил Г. М. — И еще ты задница на колесиках!

Таксист хрипло охнул.

— Пусть же Аллах, милостивый и милосердный, — воскликнул он по-арабски, — узрит эти оскорбления, нанесенные мне и моему дому! — С этими словами он по-змеиному метнулся к сэру Генри и выхватил у него из кармана длинные ножницы.

Любому очевидцу из западных стран было бы простительно счесть, что таксист намерен только лишь напасть на пассажира, ударив его заостренным концом означенного инструмента, но восточные умы отличаются изобретательностью и коварством. Уже некоторое время таксист неотрывно и даже с некоторой завистью рассматривал цветастый галстук сэра Генри. Теперь же он с улыбкой выбросил руку вперед, щелкнул ножницами и обрезал этот галстук под самым узлом, после чего осведомился:

— То есть, отпрыск распутного верблюда, таким образом ты намерен уклониться от уплаты справедливого долга?!

Когда тебе середь бела дня отрезают галстук, в этом кроется нечто столь обидное и унижительное в своей расчетливой преднамеренности, что обычных репрессалий недостаточно. Настолько возмутительную выходку не компенсировать простой оплеухой или старым добрым ударом в пах.

И поэтому ответные действия сэра Генри представляются вполне оправданными.

Громадной левой рукой он ловко сцапал таксиста за жалкое подобие воротника, а из кармана выхватил тюбик клея. Не успел истеричный водитель понять, что происходит, как его настигла судьба.

С демоническим выражением лица, схватив тюбик как водяной пистолет, Г. М. отправил струю жидкого клея водителю в левый глаз, а затем, чуть сменив прицел, безошибочно проделал то же самое с правым глазом оппонента и в довершение, будто украшая торт вишенкой, изобразил на физиономии таксиста зигзагообразную черту, наводящую на мысль о знаке Зорро, после чего изрек:

— Ха-ха! Что, денег моих захотел?!

С губ водителя сорвался еще один булькающий вопль, и картина обрела законченный вид. Г. М. сунул тюбик обратно в карман, а вместо него вооружился английской пятифунтовой банкнотой, которую и приклеил на лицо таксиста твердой рукой, будто поставив официальную печать. В этот момент сверкнули две фотовспышки, и несколько камер «Графлекс» запечатлели эту сцену для прессы и потомков.

— Сэр Генри! — взволнованно прозвенел женский голос, и Г. М. обернулся.

Ни он, ни водитель не заметили, что их окружила изумленная толпа. Площадь заполнили зеваки. Из здания Центрального вокзала вприпрыжку высыпали гостиничные зывалы и арабы-носильщики. Позади такси остановились еще три таких же транспортных средства, за ними — фаэтон «Виктория», и обе его лошади беспрестанно ржали, а к сэру Генри зывала леди Элен Лоринг, стоявшая в окружении полудюжины репортеров:

— Сэр Генри, умоляю, нельзя ли с вами перемолвиться словом?

Все еще кипевший от гнева Г. М. взял себя в руки.

— Конечно, милочка! Конечно! Я в вашем распоряжении. Вот только... — Тут он осекся и взвыл: — Мой багаж! Давай сюда багаж! Спусти его на землю!

К чести таксиста по имени Абу Овад будет сказано, что при незамедлительном бегстве он руководствовался вовсе не отсутствием мужества.

Дело в том, что он, практически ослепленный, все же разглядел, как к лицу приближается самая настоящая пятифунтовая банкнота. Да, эти деньги вручили ему не самым ортодоксальным способом, но сам факт приклеивания к лицу подразумевал, что отныне и впредь эта купюра принадлежит ему, Абу Оваду, а посему лучше дать деру, покуда пассажир не одумался.

Задержавшись, только чтобы бросить ножницы и отлепить от глаза уголок банкноты, таксист прыгнул за руль и с грохотом умчался прочь, увозя с собою чемоданы, по-прежнему лежавшие на крыше, а заслышав вопль пятидесяти глоток, последовавший за возгласом сэра Генри, Абу Овад совершил еще один безрассудный поступок.

Бросив рулевое колесо на волю Провидения, водитель мартышкой взобрался на крышу автомобиля. Когда он схватился за чемоданы, пятьдесят глоток исторгли предупреждающий рев, но Абу Овад, босоногая фигура на фоне синего египетского неба, не обратил на этот рев никакого внимания.

Первый чемодан был пойман арабом-носильщиком. Второй, прыдя при этом в неопишное состояние, приземлился у ног сэра Генри Мерривейла, а третий ударился о стену вокзала и развалился надвое, усыпав мостовую рубашками, носками, туфлями, нижним бельем, туалетными принадлежностями, а также представив вниманию публики экземпляр журнала «Раззл».

— И пусть сыны твои утопнут в сортире! — проверещал Абу Овад, после чего юркнул за руль и чудом избежал лобового столкновения с тележкой молочника.

О последующих пяти минутах лучше умолчать.

Кто-то — быть может, представитель агентства новостей «Аргус инкорпорейтед» — вернул сэру Генри отстриженную часть галстука. Еще кто-то — быть может, репортер «Мьючуал пресс» — вложил ему в руку томик с вырезками. Арабы-носильщики ревностно переупаковали поврежденный чемо-

дан, да с таким рвением, что по меньшей мере одну серебряную расческу и пару золотых запонок с тех пор никто никогда не видел. Оказавшись на платформе номер один, где стоял трехчасовой экспресс до Александрии, великий человек — теперь он чувствовал себя чуть менее скверно — опустил глаза на привлекательную кареглазую девушку в сером дорожном костюме.

— Вы... в норме? — спросила Элен.

— Откровенно говоря, — ответил великий человек, — нет. В любую минуту могу умереть от разрыва сердца. Пощупайте мне пульс?

Девушка послушно выполнила его просьбу.

— Ужасно, — зловеще молвил Г. М. — Чудовищно и гнусно, вот как я себя чувствую. Стоит покинуть эту треклятую страну...

— Так все же вы едете в Александрию? А затем летите в Англию?

— Именно так, милочка.

— Вообще-то, — потупилась девушка, — в турагентстве я просила забронировать место рядом с вашим. Мне нужен совет, сэр Генри, и дать его можете только вы.

— Ну что ж... — с некоторым пренебрежением фыркнул великий человек, глядя, как один из репортеров собирается сделать очередную фотографию, снял шляпу, обнажив крупную лысую голову, и свирепо уставился в пустоту, строя напыщенно-героическую мину, пока не сверкнула вспышка и не сработал затвор фотокамеры, а затем снова сделался похож на человека, пусть и отчасти.

— Так что вы говорили, милочка? — напомнил он.

— Вы, наверное, читали в газетах о смерти профессора Гилрея?

— Угу.

— И о некой бронзовой лампе? — спросила Элен. — Все остальные находки, конечно же, перевезены из гробницы в Каирский музей. Но эту лампу правительство Египта презентовало мне в качестве сувенира.

При гипнотических словах «бронзовая лампа» обступившие их газетчики принялись сужать кольцо.

Карр Дж. Д.

К 26 Проклятие бронзовой лампы : романы / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. И. Куберского, Н. Нестеровой, А. Полошака. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 736 с. — (Классика детектива. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25763-4

Золотой век детектива оставил немало звездных имен — А. Кристи, Г. К. Честертон, Г. Леру и др. В этой яркой плеяде Джон Диксон Карр (1906–1977) занимает самое почетное место. «Убийство в запертой комнате», где нет места бешеным погоням и перестрелкам, а круг подозреваемых максимально ограничен, — излюбленный прием автора. Карр заманивает читателя в сети ловко расставленных ловушек, ложных подсказок, обманных ходов и тонких намеков и предлагает принять участие в решении хитроумной головоломки.

В настоящее издание вошли романы «Проклятие бронзовой лампы», «Мои покойные жены» и «Скелет в часах», которые продолжают серию о Генри Мерривейле, прославленном сыщике и баронете, взбалмошном и эксцентричном, обладающем редкой способностью попадать в комичные ситуации, а также разгадывать тайны запертых комнат, находить исчезнувших людей и истолковывать чудеса, распутывая «невозможные преступления».

Романы представлены в новых переводах.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ДЖОН ДИКСОН КАРР
ПРОКЛЯТИЕ БРОНЗОВОЙ ЛАМПЫ

Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Редактор Мария Выбурская
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Теплова, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 21.10.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 45,08. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург к., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILD-34737-01-R